

Этот человек разве не отнял у него Линь Цзиньчжи? Он должен был ненавидеть Чу Яня.

Но почему...?

В этот момент у дверей внезапно послышался голос: — Хань Чжэн, что ты делаешь?

Хань Чжэн словно очнулся ото сна. Он обернулся и увидел, что лицо Линь Цзиньчжи стало невероятно холодным.

Из-за выходки Хань Чжэна отношение Линь Цзиньчжи к происходящему действительно изменилось.

Линь Цзиньчжи всегда был благородным и утонченным господином, изысканным и отстраненным, а его редкая мягкость лишь сильнее пленяла окружающих. Но с тех пор, как Чу Янь силой удерживал его во дворце, этот характер стал холодным, как лед.

А теперь он стал и вовсе леденящим.

Он напоминал прекрасный цветок, густо покрытый шипами: стоит лишь приблизиться, как тут же окажешься в крови.

Но Чу Янь знал, что такую перемену в народе называют очернением.

— Цзиньчжи, я...

— Убирайся.

В глубине души Хань Чжэна поднялась паника. В полубытьи он увидел выражение лица Чу Яня — тот насмешливо улыбался ему.

Неужели он сделал это нарочно?

Хань Чжэн испытал настоящий ужас, а вслед за ним пришла еще более жгучая ненависть к Чу Яню.

Хань Чжэн глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри все кипит от несправедливости. Когда он наконец вышел, ему показалось, что Линь Цзиньчжи подошел к Чу Яню, властно сжал его подбородок и поцеловал.

Хань Чжэн широко раскрыл глаза, лицо его побелело.

Что это вообще такое?

Разве Линь Цзиньчжи не должен ненавидеть этого императора-пса?

Но почему император выглядит так, будто он стал для Цзиньчжи личной игрушкой?

Хань Чжэну очень хотелось выбросить эту мысль из головы, но картина того, как Линь Цзиньчжи страстно целует его, глубоко врезалась в память. Его взгляд, который должен был быть прикован к Линь Цзиньчжи, почему-то замер на Чу Яне.

Черные, как тушь, волосы рассыпались по плечам, грудь была покрыта синяками от поцелуев — зрелище человека, познавшего слишком бурную ласку.

Лицо Чу Яня всегда было бледным, но губы его алели, словно красная слива на снегу, создавая резкий, пронзительный контраст.

Эта картина была наполнена порочной красотой, и Хань Чжэн, словно околдованный, тяжело дыша, попятился и выбежал из комнаты.

Он все еще стоял с широко открытыми глазами, а перед мысленным взором все еще стояла та сцена — это было просто невыносимо.

Нельзя здесь оставаться, иначе засосет без остатка!

А в это время Чу Янь был принудительно притянут к поцелую Линь Цзиньчжи.

— Ссс... — прошипел он.

Линь Цзиньчжи прошептал ему на ухо:

— Очень больно?

В этот момент он словно вернулся в прошлое, став тем самым теплым и мудрым сыном маркиза Уаня. Несмотря на то, что он вырос во влиятельном клане, характер Линь Цзиньчжи был чист, как сосна, и благороден, как орхидея.

Чу Янь на мгновение поддался этому очарованию и хотел было коснуться его лица.

Хлоп!

Руку тут же отшвырнули.

— Не смей касаться меня своими грязными руками.

Чу Янь пришел в себя, сердце пронзила острая боль, словно от укола иглы.

Его рука бессильно опустилась. В душе к Линь Цзиньчжи не осталось больше никакой любви.

Раз ты так обманываешь меня, с чего бы мне продолжать тебя любить?

Линь Цзиньчжи вытащил нефритовый фаллоимитатор. Чу Янь в этот момент походил на духа, скованного цепями, и Линь Цзиньчжи, лишь взглянув на него, почувствовал, как перехватило дыхание.

Он вспомнил вчерашние слова Чу Яня и хотел выяснить, почему тот назвал его лжецом, но ничего не добился.

После вчерашнего дня он действительно начал беспокоиться о Чу Яне.

Линь Цзиньчжи боролся с собой, но все же вернулся сюда.

Он никак не ожидал, что, толкнув дверь, увидит нечто, сводящее с ума от ревности.

Хань Чжэн посмел играть с Чу Янем этой вещью?

В тот миг Линь Цзиньчжи выместил гнев на Хань Чжэне.

А когда Чу Янь коснулся его лица, Линь Цзиньчжи не смог сдержать ревнивых слов:

— Не смей касаться меня своими грязными руками.

Чу Янь опустил взгляд и равнодушно произнес:

— Теперь не хочешь, чтобы я тебя касался? А раньше разве тебе не было хорошо от того, что я с тобой делал?

Лицо Линь Цзиньчжи исказилось.

— Кажется, тебе стоит напомнить, кто именно имел тебя прошлой ночью.

Он поцеловал Чу Яня и вновь вошел в него.

Чу Янь провоцировал его, и даже в такой момент он не сломил свою гордость.

Что ж, тогда он сам ее ломает.

— Хозяин, хватит уже, зачем ты каждый день злишь Линь Цзиньчжи? И как ты можешь быть уверен, что он поссорится с Хань Чжэном? — спросила Система.

Чу Янь в глубине души усмехнулся:

— Любой мужчина не вынесет, если его сделают рогоносцем.

Система: — ...Кажется, в этом есть смысл?

Чу Янь хмыкнул:

— Если он не разозлится, то кто тогда разозлится?

Глава 3

Похоже, из-за того, что все было сделано слишком грубо, а очищения не последовало, к вечеру у Чу Яня начался сильный жар.

Линь Цзиньчжи смотрел, как тот лежит на кровати, едва дыша, и протянул руку, чтобы коснуться пряди его волос. Едва он коснулся, как черная прядь выскользнула из пальцев — удержать ее было невозможно.

Взгляд Линь Цзиньчжи был глубоким и темным.

Он никогда не знал, что Чу Янь может быть таким прекрасным, каждая его черта притягивала взгляд.

То время было темой, которую Линь Цзиньчжи меньше всего хотел вспоминать.

Никто, кроме Чу Яня, не осмеливался говорить об этом в его присутствии.

Это был давно загнивший шрам, который каждый раз при упоминании начинал кровоточить и болеть.

Линь Цзиньчжи ненавидел Чу Яня, ненавидел за то, что тот принудил его к близости, ненавидел за то, что тот заточил его отца, маркиза Линя.

Однако, глядя на беспомощного Чу Яня, Линь Цзиньчжи почувствовал странное, сложное удовольствие от мести. Не зная, было ли это из-за того, что он теперь был сверху, Линь Цзиньчжи усмехнулся про себя: посмотрите, разве самый благородный человек в Поднебесной не лежит сейчас под ним?

Он хотел отомстить, хотел, чтобы Чу Янь почувствовал то же, что чувствовал он тогда.

Но видя такую слабость Чу Яня, Линь Цзиньчжи внезапно почувствовал себя отвратительно.

Он впервые узнал, что от таких дел тоже бывает жар.

В конце концов Линь Цзиньчжи приказал вымыть Чу Яня, переодеть его и позвать лекаря.

Лекарь по фамилии Е, которому было всего двадцать шесть лет, благодаря своим талантам смог стать дворцовым врачом.

Лекарь Е давно знал, что дворец теперь под контролем Линь Цзиньчжи и Хань Чжэна, поэтому, дрожа от страха, пришел осмотреть Чу Яня. Когда он увидел, где именно у Чу Яня раны, у него на глазах выступили слезы.

Это же сам император, а эти звери так над ним измывались!

— Отвечаю господину, у Его Величества сильный жар, прошу вас, больше не трогайте его.

Линь Цзиньчжи зло рассмеялся:

— Что ты имеешь в виду?

Лекарь Е, хоть и побледнел, выпрямил спину:

— Ровно то, что сказал.

В глазах Линь Цзиньчжи мелькнул холод, он был готов убить.

Лекарь Е не сдержался:

— Когда Его Величество силой принудил вас войти во дворец, перед тем как коснуться вас, он долго расспрашивал меня, боясь причинить вам боль. А теперь... как вы обращаетесь с Его Величеством?

Линь Цзиньчжи замер. Ему действительно тогда было не больно. Оказывается, Чу Янь спрашивал совета у лекаря.

Но об этом... было трудно говорить.

— ...Зачем он это делал?

— А зачем еще? — Лекарь Е стиснул зубы. — Мужчина с женщиной — это не путь природы, как можно использовать это место для утех? Он боялся, что вам будет больно!

— Он боялся, что вам будет больно!

Эти слова тяжелым молотом ударили в сердце Линь Цзиньчжи.

Он широко раскрыл глаза, впервые в жизни почувствовав панику. Ему показалось, что ситуация выходит из-под контроля.

Линь Цзиньчжи всегда думал, что Чу Янь польстился на его внешность и хотел удержать его во дворце, чтобы контролировать отца.

Почему... он боялся, что ему будет больно?

Линь Цзиньчжи бессильно махнул рукой:

— Иди, осмотри его.

[Шкала раскаяния Линь Цзиньчжи: одно сердце.]

[Этот лекарь Е — просто бог помощи. Его слова заставили меня почувствовать, что я из злодея превратился в жертву. Хорош в красноречии.]

[Дружеское напоминание: лекарь Е ранее получил милость от прежнего владельца тела.]

Чу Янь тихо усмехнулся:

— Но если так пойдет и дальше, шкала раскаяния будет расти слишком медленно, а маркиз Линь все не появляется. Нужно средство посильнее.

Благодаря словам лекаря Е, Чу Яня привели в порядок и переодели в нормальную одежду, а не в ту тонкую, как лунный свет, марлевую рубаху.

В полузабытьи лекарь Е увидел руки Чу Яня, спрятанные в широких рукавах. Руки, которые когда-то писали картины и играли на цитре, теперь были покрыты шрамами. На белоснежных запястьях виднелись синяки от железных цепей.

Лекарь Е представил, как Его Величество боролся в бесчисленные темные ночи.

Как он отчаянно пытался выбраться из этой спальни-клетки, как пытался сорвать эти цепи.

Лекарь нанес лекарство на запястья, обернул их белой тканью и с жалостью посмотрел на Чу Яня.

Его Величество так жалок.

Вид лекаря Е вызывал у Линь Цзиньчжи еще большее раздражение.

Ему не нравилось, что кто-то так смотрит на Чу Яня. Он ведь подонок, какая тут может быть жалость?

— Уходи.

Лекарь Е сжал кулаки, ему не хотелось уходить, но дворец теперь контролировал этот сын маркиза.

Он был бессилен.

Лекарь Е подавил гнев и осторожно вышел.

Линь Цзиньчжи долго сидел внутри, не двигаясь:

— Ты ведь жестокий человек, как же кто-то может так искренне заботиться о тебе?

Вспоминая прошлое, он и сам когда-то сочувствовал этому ребенку.

Линь Цзиньчжи усмехнулся, насмехаясь над собой:

— Нет, разве я не был таким же?

Жаль только, что эта забота была растоптана тобой, а наши отношения — насильно искажены.

Вскоре Чу Янь проснулся в бреду.

Сначала в его глазах читались наивность и доверие, словно он полностью открыл душу, как будто этот человек был единственным, кому он доверял в этом мире. В его черных глазах не было ни капли защиты. Когда Чу Янь смотрел так на кого-то, это заставляло любого потерять голову.

В следующую секунду взгляд изменился.

Рассудок Чу Яня вернулся, и он снова стал настороженным, недоверчивым и полным печали.

— Лжец.

Линь Цзиньчжи никогда не забудет выражение лица Чу Яня, когда тот произнес это слово.

Он не мог не обращать на это внимания.

Линь Цзиньчжи подошел ближе, словно собираясь что-то сделать.

Тело Чу Яня напряглось, затем он смиренно опустил веки.

С того дня, как был совершен переворот, они всегда были в состоянии вражды.

Чу Янь был переменчив в настроении и очень жесток, убив немало слуг и чиновников.

Линь Цзиньчжи недоумевал, почему не может отпустить его.

Впрочем, его тело ему очень нравилось.

— Что ты еще хочешь со мной сделать?

Услышав это, Линь Цзиньчжи вздрогнул.

Проклятье! Он чуть было снова не попал под чары этого человека!

Взгляд Линь Цзиньчжи похолодел:

— Семья Линь веками была верна трону, почему ты напал на моего отца? И куда ты его спрятал?

— Убил, — холодно ответил Чу Янь.

На лбу Линь Цзиньчжи вздулись вены, он по слогам спросил:

— Что... ты... сказал?

Чу Янь посмотрел на него:

— Я жалею лишь о том, что тогда мне не хватило решимости уничтожить и тебя заодно, тогда бы не было сегодняшнего позора.

— Да, я не умер, я жив. Но я предпочел бы, чтобы ты убил меня! — Линь Цзиньчжи рассмеялся. Раз Чу Янь считает это позором, он заставит его чувствовать позор.

В следующее мгновение он набросился на него.

Лицо Чу Яня побледнело, он хотел оттолкнуть Линь Цзиньчжи, но сил в теле не было.

И они повторили это снова.

Только на этот раз все было слишком жестко, и Чу Янь, окончательно потеряв сознание, обмяк.

Чу Янь, казалось, бредил в жару:

— Лжец... почему ты меня обманул?

Слезы скатились из уголков его глаз, даже веки покраснели, словно от глубокой скорби.

Такой жалкий, совсем не похожий на того высокомерного императора, вызывающий невольную жалость.

Линь Цзиньчжи нахмурился, в глубине души возникло необъяснимое сочувствие.

Но так как это сочувствие было перемешано с ненавистью, он не мог разобраться в своих чувствах.

Чу Янь сказал, что убил его отца, скорее всего, чтобы разозлить его.

И он, как назло, разозлился.

Линь Цзиньчжи чувствовал себя измотанным. Он приказал позаботиться о нем, а сам внезапно захотел узнать, что значит слово лжец, которое постоянно повторял Чу Янь.

[Наконец-то пробили брешь.]

[Он начал верить хозяину.]

[Угу.] Чу Янь закрыл глаза, притворяясь спящим, но свое дело он сделал.

Тук, тук, тук.

После того как брешь пробита, нужно применить его способность.

Плетение воспоминаний, запуск...

Линь Цзиньчжи чувствовал себя совершенно обессиленным. Выйдя наружу, он увидел падающие лепестки грушевых деревьев, которые при ветре осыпались, словно снег.

Линь Цзиньчжи внезапно вспомнил прошлое. Он был на пять лет старше Чу Яня, и когда впервые увидел этого ребенка, тот жил совсем не как принц, даже хуже, чем животное.

Он был весь в грязи, лицо в пятнах, и только глаза сияли.

— Ты, собака, почему ползаешь так медленно!

— Старший брат, я очень голоден.

— Когда наиграюсь, дам тебе обедков.

— П-правда?

Третий принц засмеялся:

— Конечно, правда.

Его использовали как лошадь, и из-за слабости он упал на землю. Третий принц плюнул и слез с него:

— Скучно, уже нет сил? А у меня еще есть мальчики для чтения, с которыми я не доиграл.

Реакцию Чу Яня тогда он не забудет никогда.

В его черных глазах светился холод, но в итоге он снова встал на колени и жалко пролепетал:

— Старший брат, тогда не забудь дать мне поесть.

Разве в тот день под тем же грушевым деревом не осыпались лепестки?

Линь Цзиньчжи не мог уйти, его взгляд приковал этот ребенок. Наконец он медленно подошел к нему.

Что тогда сказал Чу Янь...?

Он улыбнулся ему:

— Ты тоже хочешь поиграть?

Ты тоже хочешь играть со мной, топтать меня, как и те люди?

Сердце Линь Цзиньчжи сжалось, он покачал головой и протянул из рукава шелковый платок:

— Вытри лицо.

Чу Янь замер и опустил голову.

— Не смею.

— Почему?

— Все равно снова испачкается.

Испачкается?

— Я с детства в грязи, я никогда не был чистым.

Линь Цзиньчжи нахмурился.

Он увидел, как Чу Янь тихо прошептал:

— Никто не даст мне чистоты.

Дыхание Линь Цзиньчжи прервалось.

Тот платок все же остался у Чу Яня. Он не стал вытирать им лицо, а хранил его долгие годы.

[Хнык-хнык, как жалко! А что делать с платком из ложных воспоминаний? Где найти платок, который хранился десять лет?]

[Дурочка, неужели твой хозяин забудет такую важную деталь? Платка от Линь Цзиньчжи нет, но у Сяо Чэня сохранился платок его покойной матери.]

Линь Цзиньчжи вернулся в комнату и увидел, что евнух Гао Хуа, прислуживавший там, прослезился.

— Что случилось?

— Его Величество бредит во сне.

Линь Цзиньчжи вошел и действительно услышал, как Чу Янь слабо шепчет:

— Мешочек... мой мешочек...

Его мешочек?

Линь Цзиньчжи вспомнил, что Чу Янь всегда носил с собой выцветший мешочек, который берег как зеницу ока и никому не позволял трогать, даже ему.

Под влиянием воспоминаний Линь Цзиньчжи, проявив редкое милосердие, приказал его найти.

Поскольку это была дорогая Чу Яню вещь, найти ее было несложно.

Вскоре Гао Хуа принес его.

Линь Цзиньчжи положил мешочек рядом с Чу Янем и вдруг захотел посмотреть, что там внутри, раз он так дорожил этим столько лет.

Открыв его, он обнаружил...

Там лежал давно выцветший платок, в точности такой же, как в его воспоминаниях.

Дыхание Линь Цзиньчжи сбилось, в груди появился привкус крови.

Чу Янь хранил его столько лет?

Сохранил при себе, не смея забыть.

Глава 4

Способность Чу Яня к плетению воспоминаний была куплена в магазине Системы.

Он накопил опыт за несколько миров, выполняя задания, несколько раз был на волосок от смерти и все это время копил баллы, чтобы купить этот навык.

[Да, мой милый и расчетливый хозяин, купил этот навык и начал чудить.]

Чу Янь невольно усмехнулся.

Он просто почувствовал, что его жизнь в безопасности, и его истинная натура взяла верх.

Однако эта штука требовала огромного напряжения духа и контроля эмоций, и при полной настороженности другого человека применить ее было невозможно.

Поэтому первым шагом Чу Яня было посеять семена сомнения, а затем разрушить защиту противника.

Для этого он постоянно провоцировал его, показывая, что готов умереть, и соблазнял Хань Чжэна, чтобы Линь Цзиньчжи потерял самообладание.

Чу Янь знал, что Линь Цзиньчжи умен, и, видя такое странное поведение, тот сам начнет искать причины, не нужно было специально оговаривать маркиза Линя.

Чу Янь зевнул и погрузился в сон.

Все эти дни он держался, притворяясь спящим, потому что не мог отпустить ситуацию.

Теперь, когда обстановка немного стабилизировалась, сонливость взяла свое.

Чу Янь спал безмятежно, но этот вид вызывал у окружающих лишь жалость.

Лекарь Е, узнав, что Чу Янь снова потерял сознание, пришел его осмотреть.

Спальня была устлана тонким красным шелком, ковры были из шкур белой лисицы. А лежащий на кровати человек с кожей белой, как снег, черными, как водопад, волосами и алыми губами выглядел невероятно изящно, а его персиковые глаза придавали ему еще больше красоты.

Чу Янь был в тонкой одежде, открывающей широкую грудь, и лекарь Е внезапно почувствовал, что не может отвести глаз.

Раньше из благоговения он никогда не смел так смотреть на Чу Яня.

Но теперь, видя следы на его теле, лекарь Е знал, как Линь Цзиньчжи прижимал его к постели.

В горле пересохло, в глазах появилось странное возбуждение.

Их нынешний император был поистине прекрасен, даже тот, кого называли первой красавицей, сын маркиза Уаня, не мог с ним сравниться.

Когда лекарь Е приблизился, Чу Янь уже проснулся. Это было последствие его путешествий по мирам: как только кто-то приближался, все его тело переходило в режим защиты.

Стоило кому-то подойти, как он начинал играть свою роль!

Чу Янь снова открыл глаза, и его аура изменилась.

Он с усталостью спросил:

— Зачем ты снова пришел?

— Я... я пришел осмотреть Ваше Величество.

Чу Янь опустил ресницы, похожие на крылья ворона, и они слегка задрожали:

— Все равно ведь снова изранят.

Лекарь Е, услышав это, почувствовал, как кровь ударила в голову:

— Как сын маркиза Уаня может так с вами обращаться!

То место у Чу Яня действительно было ранено много раз.

<http://bllate.org/book/22166/2309055>